

АННА СВЕТЛИЧНАЯ

СПАСИБО, ГОША

ЗАВЕДИТЕ МОПСА.
ОДНАЖДЫ ОН
УКРАДЁТ ДЛЯ ВАС
НОВУЮ ЖИЗНЬ

18+

Анна Светличная
Спасибо, Гоша

«Автор»

2026

Светличная А.

Спасибо, Гоша / А. Светличная — «Автор», 2026

Заведите мопса. Однажды он украдёт для вас новую жизнь. Марк и Вероника — образцовая пара. Дом, бизнес, фитнес, секс по субботам. Всё как у людей. Только есть одно «но»: они давно не чувствуют друг друга. Они — соседи с общим псом и общим молчанием. Всё меняется, когда их мопс Гоша ворует у незнакомки конверт. Внутри — приглашение в клуб «Цилиндр». Закрытый. Элитный. Анонимный. Без имён, без разговоров, без привычных «нормально» и «устала». Марк и Вероника втайне друг от друга проходят по ссылке. Им меняют внешность, выдают маски и новые роли. Она — Стюардесса. Он — Хищник. Они встречаются в комнате с искусственным небом — и не узнают друг друга. А потом начинается то, чего не было в их браке давным-давно: желание. Настоящее. Острое. Запретное. «Спасибо, Гоша» — тёплая, дерзкая и очень откровенная история о том, как легко потерять друг друга, даже живя под одной крышей. И о том, как важно вовремя заговорить — пока не стало слишком тихо.

© Светличная А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

«Идеальная пара»	6
Глава 1. «Годовщина, или Как мы пытались»	10
Глава 2. «Советы подруг и друзей»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Светличная

Спасибо, Гоша

А вы когда-нибудь задумывались – почему с посторонними людьми нам порой проще, чем с близкими?

Незнакомцу мы можем сказать то, о чём молчим с мужем. Случайному попутчику — признаться в том, что скрываем от подруги. Коллеге — открыть то, что не решаемся сказать матери. Чужие не знают нашего прошлого, не помнят наших провалов, не ждут от нас ничего. С ними легко: они видят нас такими, какими мы хотим казаться. Или такими, какими боимся быть.

А близкие знают всё. Они помнят нас вчерашних, позавчерашних, пятилетней давности. С ними нельзя примерить новое лицо — они узнают старое. И именно поэтому с ними так трудно. И именно поэтому мы молчим.

Что, если самый близкий человек — тот, кого мы ещё не встретили?

И что, если он уже живёт с нами под одной крышей?

«Идеальная пара»

Утро в их квартире начиналось одинаково.

Сначала просыпался Гоша. Мопс выползал из-под хозяйского пледа — там, где он спал, оставалась теплая вмятина и несколько коротких рыжих шерстинок — и шлепал по коридору к миске. Звук его когтей по ламинату был первым, что слышала Вероника каждое утро: цок-цок-цок, пауза, вздох, цок-цок-цок.

Гоша садился у пустой миски и смотрел на нее с таким выражением, будто его не кормили со времен основания Рима. На самом деле ужин был в одиннадцать. Он всегда был в одиннадцать.

— Сейчас, сейчас, — пробормотала Вероника, нащупывая тапочки. — Дай хоть глаза открыть.

Гоша не дал. Он чихнул — мопсы чихают так, будто хотят вытряхнуть из себя душу, — и поставил лапу на миску. Та опрокинулась и покатилась по полу с оглушительным жестяным грохотом.

С кухни донесся голос Марка:

— Гоша, ты опять?

Марк уже был на ногах. Он всегда вставал раньше — сказывалась привычка к режиму, которую он выработал еще в институте, а потом отшлифовал в армии и добил в бизнесе. Он сидел за кухонным столом, в футболке и домашних штанах, и пил кофе. Перед ним лежал раскрытый ноутбук с таблицей по аренде автомобилей.

Вероника вышла на кухню, кутаясь в халат. Волосы собраны в небрежный пучок, глаза еще сонные, но даже так — даже в семь утра, без макияжа и с отпечатком подушки на щеке — она была красива. Зеленые глаза, светлые волосы, та самая мягкая женственность, которая заставляет мужчин оборачиваться. Марк когда-то говорил ей об этом постоянно. Теперь он просто кивнул:

— Доброе.

— Доброе, — она наклонилась, чтобы поцеловать его. Поцелуй пришелся куда-то в висок. — Как спал?

— Нормально. Александр звонил, там с «камри» опять проблемы. Клиент говорит, что коробка стучит, а по факту — он просто ездить не умеет.

— Угу.

Вероника налила себе кофе. Машинально взяла с полки собачий корм. Гоша у ее ног исполнил ритуальный танец: два оборота вокруг своей оси, подпрыгивание, фырканье. Она поставила миску. Гоша посмотрел на еду так, будто она его предала — корм был тот же, что и вчера, — но все-таки начал есть.

Марк что-то печатал, хмурясь. Вероника смотрела в окно. За окном был ноябрь — серый, мокрый, с голыми ветками и лужами на асфальте. В такое утро хотелось залезть обратно под одеяло. Или дописать картину. Или просто посидеть в тишине, никуда не спешить.

Но она работала менеджером по продажам в автосалоне. Смена начиналась в девять.

Пауза.

В этой паузе можно было услышать, как Гоша хрустит кормом и как капает вода из крана — Марк опять плохо закрутил. Пауза была не тяжелой, не напряженной. Она была... привычной. Как старые тапочки. Как маршрут до работы. Как секс по субботам — тоже привычный, тоже по маршруту, с одними и теми же остановками.

Вероника подумала об этом и тут же запретила себе думать. Она вообще много чего запрещала себе думать в последнее время.

Она поставила чашку в раковину. Подошла к мольберту, который стоял в углу гостиной. На нем — недописанный натюрморт. Яблоко, кувшин, драпировка. Она начала его полгода назад, но так и не закончила. Яблоко было каким-то мертвым. Кувшину не хватало объема.

— Ты допишешь когда-нибудь? — спросил Марк, проходя мимо.

— Когда-нибудь.

— Я серьезно. У тебя талант. Надо только время найти.

— Я ищу.

Она искала. Честно. Просто работа, дом, фитнес, Гоша — и дни сжимаются в какую-то пружину, которая никогда не разжимается.

Марк подошел сзади, положил руки ей на плечи. Она вздрогнула — не от неожиданности, а от того, что отвыкла. Прикосновение было теплым, но каким-то... механическим? Как будто он прочитал в учебнике «Как быть хорошим мужем: глава четвертая, поддерживаем творческие начинания жены».

— У тебя все получится, — сказал он.

— Спасибо.

Он поцеловал ее в макушку. Она закрыла глаза. Когда-то от такого поцелуя у нее подкашивались ноги. Когда-то они не могли оторваться друг от друга. Когда-то...

Ладно. Когда-то было давно.

— У тебя сегодня что? — спросила Вероника, наливая кофе.

— В обед встреча с корпоратами, — Марк потер переносицу. — Хотят три машины на полгода. Если выгорит — закроем план на квартал. А потом в офис — Александр документы подготовил, надо подписать. К семи освобожусь. Ты во сколько сегодня?

— Я до семи, — Вероника помешала кофе. — Потом с Катей на часок пересечемся, она хочет кофе и поплакаться. К девяти буду в зале.

— Отлично. Тогда в зале и встретимся.

— Договорились.

Марк допил кофе, поцеловал ее в висок — привычно, коротко — и ушел собираться. Вероника осталась на кухне одна. Гоша доел корм, подошел и сел у ее ног, глядя снизу вверх с тем выражением абсолютного обожания, на которое способны только мопсы и только после еды.

— Вот ты меня любишь, — сказала Вероника, почесывая его за ухом. — И не притворяешься.

Гоша чихнул. Видимо, это означало «да».

День прошел как обычно. Автосалон, звонки, клиенты. Вероника работала в утреннюю смену — с девяти до семи. Смена была спокойной: три тест-драйва, один оформленный кредит, пара звонков от тех, кто «просто узнает цену». Один посетитель — мужчина лет сорока, в дорогом пальто и с лысиной, которую он явно компенсировал уверенностью — пытался пригласить ее на кофе. Вероника улыбнулась, показала кольцо и предложила вместо кофе тест-драйв. Он согласился, но кольцо его не убедило. Вероника привыкла.

В семь она сдала смену и вышла на улицу. Заехала домой — быстро покормить Гошу, переодеться. Мопс встретил ее так, будто она вернулась с войны. Пока она насыпала корм, он описал три круга вокруг своих лап и один круг вокруг ее ног.

— Гоша, у тебя вся жизнь — ритуал, — сказала Вероника. — Проснулся, поел, погулял, поспал. И никаких тебе кризисов.

Гоша хрустнул кормом. Кризисы его действительно не интересовали.

Катя ждала в кофейне на Малой Бронной. Они сидели за угловым столиком: Катя с капучино и корицей, Вероника с американо и чизкейком, к которому она почти не притронулась.

— Понимаешь, он просто не понимал, чего я хочу, — Катя сделала драматическую паузу и подула на кофе. — Ни-че-го. Ему было нормально. А мне — нет. А когда тебе «нет», а ему «нормально» — это конец.

— У нас с Марком иначе, — Вероника отломил кусочек чизкейка, но есть не стала. — У нас все хорошо.

— «Хорошо» — это не ответ, — Катя прищурилась. — «Хорошо» — это слово, которым прикрывают дыру. Вот скажи мне: когда ты в последний раз чувствовала, что он тебя хочет? Не как жену, не как удобную женщину в доме. А как... ну, как раньше?

Вероника хотела ответить: «Вчера». Потом — «На прошлой неделе». Потом поняла, что не помнит.

— У нас все нормально, — сказала она упрямо. — Просто устаем оба.

— Вы не устаете, — Катя отставила чашку. — Вы молчите. А когда молчат — оно копится. Как в чайнике. Свистит пока нет, но крышку уже подбрасывает.

Вероника перевела разговор на другую тему. Катя пожалала плечами и больше не возвращалась. Но осадочек остался.

В девять Вероника вошла в фитнес-центр. Кофейня была в пяти минутах ходьбы, так что машина осталась на парковке у кафе. В холле ее уже ждал Марк — в серой майке, с полотенцем на плече и с бутылкой воды. Выглядел бодро, хотя день у него тоже был долгий.

— Как корпораты? — спросила она, целуя его в щеку.

— Подписали, — он улыбнулся. — Три машины, полгода, предоплата. Александр уже шампанское открыл. Я сказал — в следующий раз. Сегодня зал.

— Молодец. А документы?

— Все подписал. Даже без скандала.

— Чудеса.

— Сам в шоке. Как Катя?

— Все так же. Опять жаловалась на бывшего.

— Это у нее спорт такой, — Марк хмыкнул. — Жалобы на бывших — ее кардио.

Вероника рассмеялась. Марк иногда умел быть смешным. Когда-то она влюбилась в него именно за это — за легкость, с которой он шутил. За то, как он мог разрядить любое напряжение одной фразой.

Сейчас напряжение не уходило. Но шутка все равно была хорошая.

Они разошлись по залу. Она на беговую дорожку, он в тренажерку. Ритуал.

Пока она бежала, боковым зрением заметила, как парень на соседней дорожке скосил глаза. Потом еще раз. Вероника сделала вид, что ничего не заметила. Поправила наушники. Прибавила скорость.

После пробежки она пошла в зону растяжки. Марк как раз закончил подход и шел к ней через зал — подтянутый, мокрый от пота. Две девушки у тренажера проводили его глазами. Он не заметил. Или сделал вид.

— Как пробежка? — спросил он.

— Пять километров. Ты как?

— Уже никак. Пойдем домой.

— Пойдем.

Они приняли душ и вышли на парковку фитнес-центра. Ноябрьский вечер был сырым и ветреным. Фонари отражались в мокром асфальте — желтые разводы, похожие на масляные пятна.

— Я на своей, — сказала Вероника.

— Я на своей, — кивнул Марк.

Она — в «солярис», припаркованный у кофейни. Он — в старый «лексус», который мыл чаще, чем некоторые люди моются. Поцелуй на прощание — в щеку, почти по-дружески.

- Давай за мной, — сказал Марк. — А то потеряешься.
- Я знаю дорогу, — улыбнулась она. — Десять лет езжу.
- Ну, мало ли.

Два автомобиля выехали с парковки друг за другом. Марк махнул в боковое зеркало. Вероника махнула в ответ. Два взмаха руки. Разделенные стеклом, расстоянием и той самой пустотой, которую оба чувствовали, но не называли.

На подземной парковке дома они припарковались рядом. Его «лексус» и ее «солярис». Две машины, два человека, одна квартира на четырнадцатом этаже.

Поднялись в лифте молча — оба устали. Вероника прислонилась к стенке, Марк смотрел на бегущие цифры этажей.

Дома их встретил Гоша. Так легли спать — каждый на свою половину кровати. Гоша устроился между ними, как мохнатый пограничный столб.

- Спокойной ночи, — сказала Вероника.
- Спокойной, — сказал Марк.

Свет погас.

В темноте, когда дыхание мужа стало ровным, Вероника открыла глаза. Она думала о том, что у них все хорошо. Действительно хорошо. Квартира, работа, машина, пес. Никто не пьет, никто не бьет, никто не изменяет.

Тогда почему ей иногда хочется закричать?

Она не знала. Она запретила себе об этом думать. Завтра новый день, завтра она встанет, нальет кофе, насыпет корм Гоше, улыбнется мужу.

У них идеальная семья.

Идеальная, черт возьми, семья.

Гоша вздохнул во сне. Ему снилось, наверное, что-то собачье: бескрайнее поле, миллион мисок с кормом, вечная прогулка. Мопсы вообще не склонны к рефлексии.

В этом смысле Гоша был счастливее своих хозяев.

Глава 1. «Годовщина, или Как мы пытались»

Годовщина выпала на субботу. Пять лет — первая круглая дата, которую они вообще заметили. Предыдущие четыре проходили как-то мимо: то переезд, то ремонт, то у Марка запуск автопарка, то у Вероники смена в праздники, и они поздравляли друг друга открытками на холодильник.

В этот раз Вероника решила: будет по-настоящему.

Она готовилась неделю. Заказала платье — не то чтобы откровенное, но достаточно узкое, чтобы Марк заметил. Купила туфли, в которых невозможно ходить, но очень возможно стоять в спальне. Записалась к косметологу, к парикмахеру, на маникюр. Гоша наблюдал за этими приготовлениями с дивана и явно не одобрял: слишком много суеты, слишком мало внимания к его миске.

— Гошенька, сегодня важный день, — сказала Вероника, подкрашивая ресницы перед зеркалом. — Мы будем романтичными. Как раньше.

Гоша чихнул. Романтика его не интересовала.

Утром они поздравили друг друга. Марк подарил серьги — красивые, с изумрудами под цвет ее глаз. Вероника растрогалась: он помнил про ее глаза. Он вообще всё помнил — в этом и была проблема. Он помнил даты, помнил предпочтения, помнил, что она любит пионы, а не розы. Помнил, что кофе без сахара, а чай — с мятой. Помнить — это у него получалось безупречно.

Чувствовать — сложнее.

Она подарила ему часы. Хорошие, швейцарские, с гравировкой: «Марку, который всегда вовремя». Он оценил, перевернул коробочку в руках, улыбнулся.

— «Всегда вовремя», — прочитал он вслух. — Это ирония?

— Это комплимент.

— А по-моему, наезд, — он засмеялся.

— Комплимент с наездом, — улыбнулась она. — Твой любимый жанр.

Они поцеловались. Долгий поцелуй, почти как раньше — и у нее на секунду екнуло сердце. В голове мелькнуло: «Может, сегодня? Может, получится?»

— Вечером продолжим? — спросил он шепотом.

— Обязательно, — она улыбнулась.

Вечером.

Вечером всё пошло не так.

Во-первых, Александр. Он позвонил в шесть — ровно в тот момент, когда Вероника вышла из душа и начала одеваться. Марк ответил, думая, что это на минуту.

— Да?.. Что?.. Какая авария?.. Подожди, какой клиент?.. Он в столб въехал или столб в него?.. Так, давай по порядку...

Вероника стояла перед зеркалом в спальне. Платье сидело идеально — она даже покрутилась немного, оценивая, как ткань ложится по бедрам. Туфли поблескивали. В ванной ждал тот самый набор из посылки — она выложила его на полку, но еще не решила, принесет ли в спальню. Это был сюрприз для Марка. Если он вообще дойдет до спальни.

Из гостиной доносилось:

— Да?.. Что?.. Какая авария?.. Подожди, какой клиент?.. Он в столб въехал или столб в него?.. Так, давай по порядку...

Пауза. Потом громче:

— Что значит «столб не по ГОСТу»? Сань, он что — охране аэропорта это доказывает?.. Он юрист, что ли?.. А, у него комплекс... Понял. Комплекс «я всегда прав». Сань, успокой его. Объясни, что страховка без франшизы, он ничего не теряет. Пусть просто напишет объясни-

тельную и едет домой... Что?.. Почему он не хочет писать?.. Что значит «он не виноват»?! Он въехал в столб! Столб стоял на месте!.. Сань...

Дальше еще громче — Марк уже не говорил, а почти кричал:

— Да плевать мне, что его подрезали! Подрезали — надо было тормозить, а не в столб!.. Сань, у меня годовщина!.. Нет, я не могу приехать!.. Да потому что у меня годовщина, я тебе русским языком говорю!.. Всё, кладу трубку. Звони клиенту. Скажи — пусть засунет свой ГОСТ себе в... В общем, пусть пишет объяснительную. Иначе я сам к нему приеду и объясню, куда ему поставить этот столб.

Он положил трубку. Выдохнул. Постоял секунду, глядя в стену. Из спальни не доносилось ни звука.

— Вероника?..

Он открыл дверь. Она сидела на кровати в халате. Платье висело в шкафу — он увидел край ткани. Туфли стояли в углу.

— Я всё слышала, — сказала она спокойно. — У вас там проблемы?

— Клиент-придурок. Въехал в столб в аэропорту. Теперь доказывает охране, что столб стоит не по ГОСТу. Александр пытается его успокоить, но у клиента комплекс «я всегда прав». Кричит, что всех засудит.

— Страховка покрывает?

— Полностью. Без франшизы. Он не платит ни копейки. Но ему нужно написать объяснительную. А он не хочет. Потому что написать — значит признать вину. А он не виноват. Столб виноват.

— Бедный столб.

— Столбу хоть бы что. Он стоит. А Александр мне трубку оборвал.

Вероника слегка улыбнулась — впервые за вечер. Марк увидел эту улыбку и почувствовал, как внутри что-то отпускает.

— Ты положил трубку, — сказала она.

— Положил.

— В годовщину.

— В годовщину, — он кивнул. — Поздно, да?

— Поздно, — она встала с кровати. — Но я оценила.

Она прошла мимо него на кухню. Он пошел за ней. Они сели ужинать — впервые за вечер вместе, без телефона, без криков Александра в трубке. Просто вдвоем. Ужин был вкусный, но ели молча. Вилка, нож, глоток вина. Они поели. Ужин был вкусный — Вероника вообще хорошо готовила, когда хотела. Но ели молча. Вилка, нож, глоток вина. Глоток вина, нож, вилка. Марк попытался взять ее за руку — она не отняла, но и не ответила. Ее пальцы лежали в его ладони, как неживые.

— Я исправлюсь, — сказал он. — Завтра. Давай завтра устроим вечер.

— Завтра у тебя гараж, — напомнила она.

— Я отменю.

— Не надо.

— Почему?

Она подняла на него глаза. Зеленые, красивые, совершенно спокойные.

— Потому что ты любишь свой гараж. И свою машину. И это нормально. Не надо ради меня отменять то, что ты любишь. Просто... — она запнулась. — Просто в следующий раз, когда у нас годовщина, скажи Александру, чтобы не звонил. Или скинь его на голосовую. Или научи его решать проблемы без тебя. Что-нибудь.

Марк помолчал.

— Это честно, — сказал он. — Я приму.

— Спасибо.

— Спасибо, — повторил он, и это прозвучало странно: как будто они обменивались благодарностями за то, что не устроили скандал.

Идеальная пара. Ни одной трещины на фасаде.

После ужина Марк решил реабилитироваться. Пока Вероника убирала со стола, он достал откуда-то свечи — две штуки, старые, новогодние, с запахом хвои и мандаринов.

— Давай хотя бы свечи зажжем, — сказал он. — Для атмосферы.

— В мае? Хвоя и мандарины?

— Ну, других нет. Зато пахнет, как Новый год. А Новый год — это романтика.

Она не стала спорить. Свечи так свечи.

Марк поставил их на журнальный столик в гостиной, чиркнул зажигалкой. Первая свеча зажглась. Вторая — нет. Он чиркнул еще раз. Еще. Зажигалка погасла.

— Сдохла, — констатировал он.

— У тебя в гараже есть другая?

— В гараже — да. Но я не хочу идти в гараж. Я хочу здесь. С тобой.

Он попытался зажечь свечу от первой. Воск капал на столик. Пламя перекинулось на фитиль, но тут же погасло. Марк чертыхнулся. Вероника смотрела на это с дивана.

— Может, ну их? — предложила она.

— Нет. Я справлюсь. Я мужик. Я умею зажигать огонь.

— Ты автослесарь, а не первобытный человек.

— Одно другому не мешает.

В этот момент Гоша, привлеченный суетой, запрыгнул на диван и уставился на свечи. Ему явно не нравился запах хвои. Он чихнул — так мощно, что пламя первой свечи заколебалось. Чихнул еще раз. Свеча погасла.

Они остались в полумраке. Два силуэта на диване, между ними мопс, на столике — две оплывшие новогодние свечи.

И тут Вероника рассмеялась. Не вежливо, не сдержанно — а в голос, запрокинув голову. Марк посмотрел на нее, потом на Гошу, потом на свечи — и тоже засмеялся.

— Господи, — сказала она сквозь смех. — У нас идеальная годовщина. Свечи не горят, пес чихает, клиент в столб въехал.

— Я же говорил, — Марк улыбался. — Новый год. А Новый год — это когда всё идет не по плану, но все равно весело.

— Напомни, когда в Новый год клиент въезжал в столб?

— В прошлый Новый год. Тот же клиент. Только столб был другой.

Они снова засмеялись. Гоша посмотрел на обоих с выражением крайнего недоумения и спрыгнул с дивана — эти люди были слишком странными даже для него. Смех постепенно стих. В гостиной стало тихо. Полумрак, запах хвои, два человека на диване. Марк протянул руку и убрал прядь волос с ее лица. Она не отстранилась. Он наклонился, чтобы поцеловать ее — на этот раз по-настоящему, не в висок, не в щеку.

И у него почти получилось.

Но Вероника чуть заметно качнула головой:

— Не надо.

— Почему?

— Потому что ты делаешь это из чувства вины. А я не хочу быть твоим извинением.

Он замер. Рука застыла у ее щеки. Пауза — долгая, тяжелая.

— Это не извинение, — сказал он тихо.

— А что?

Он не ответил. Потому что не знал, как назвать то, что он чувствовал. Это не было виной. Это не было желанием. Это было что-то среднее — теплое, смутное, неоформленное. Как старая привычка, которая еще греет, но уже не жжет.

— Вот именно, — сказала она, хотя он ничего не произнес вслух. — Вот именно.

Она встала с дивана.

— Давай спать, Марк.

— Вероника...

— Правда. Я устала. День был длинный.

— День был суббота.

— Субботы тоже бывают длинными.

Она пошла в спальню. Он остался в гостиной один — среди погасших свечей, неловкости и запаха хвои.

Ночью они лежали в темноте. Каждый на своей половине. Гоша устроился в ногах — то ли в знак солидарности с обоими, то ли потому, что там было теплее.

Марк смотрел в потолок. Вероника смотрела в стену.

Она думала о том, как они смеялись над свечами. Это был хороший момент — настоящий, живой. Такие моменты случались всё реже, но когда случались, она вспоминала, за что полюбила его. За смех. За дурацкие шутки. За то, что он мог сделать смешным даже провал.

Когда-то они валялись на этом самом диване и болтали до трех ночи — ни о чем и обо всем сразу. Он рассказывал, как собирается переделать карбюратор на ретро-машине, она рассказывала, как мечтает написать портрет, который заметят в галерее. И это было неважно — про карбюратор, про галерею, — важно было, что они говорили. Что между ними было пространство, заполненное словами.

Теперь это пространство заполнялось тишиной.

— Ты не спишь? — спросил он тихо.

Нет.

— Я могу что-то сделать? Прямо сейчас. Что угодно. Скажи мне.

Она помолчала. Что ему сказать? «Обними меня»? Он обнимет — и это будет объятие из чувства долга. «Поцелуй меня»? Поцелует — и это будет поцелуй по расписанию. «Скажи, что ты меня хочешь»? Скажет. Он вообще послушный. Он всё сделает правильно. Идеально.

В этом и проблема.

— Ничего не надо, — сказала она. — Просто давай спать.

— Вероника...

— Спокойной ночи, Марк.

Тишина. Потом его голос — тихий, почти беззвучный:

— Спокойной.

Она закрыла глаза. В гостиной, на журнальном столике, остались две оплывшие новогодние свечи с запахом хвои. На кухне, на холодильнике, висела открытка: «Спасибо за пять лучших лет. Твой Марк».

Пять лет. Идеальная годовщина.

Она лежала и думала: «Если это лучшие — то какие тогда худшие? Почему мы оба стараемся — и так пусто?»

Ответа не было. Был только Гоша, который тихо посапывал в ногах, и ветер за окном, и половина кровати, которая с каждой ночью казалась всё шире.

Глава 2. «Советы подруг и друзей»

Понедельник начался с дождя.

Мелкий, противный, майский — он барабанил по карнизу с шести утра, и Гоша, который обычно спал до пробудки хозяев, проснулся и начал скулить. Его пугал не столько дождь, сколько звук: капли били по жестяному отливу с таким грохотом, будто кто-то методично просыпал горох.

— Гоша, это просто вода, — пробормотала Вероника, не открывая глаз. — С неба. Такое бывает.

Гоша не поверил. Он залез под одеяло и прижался к ее ногам — мокрый нос, полный комплект собачьей паники. Пришлось вставать на полчаса раньше.

К тому моменту, когда Марк вышел на кухню, Вероника уже выпила половину чашки кофе и смотрела в окно с выражением человека, который морально готовится к понедельнику. Гоша сидел у нее на коленях, завернутый в плед, и глядел на дождь с видом оскорбленного достоинства.

— Он что, всю ночь не спал? — спросил Марк.

— Он боится дождя.

— Это мопс или болонка?

— Это мопс с тонкой душевной организацией, — Вероника погладила Гошу. — В отличие от некоторых.

— Я тоже с тонкой, — Марк налил себе кофе. — Просто не показываю.

Он сел напротив. После субботней годовщины они провели воскресенье в режиме «вежливого перемирия»: не говорили о том, что случилось, но и не делали вид, что ничего не было. Где-то посередине — как трещина на стене, которую заклеили обоями. Вроде не видно, но ты знаешь, что она там.

— У тебя сегодня что? — спросила Вероника.

— Встреча с корпоратами в двенадцать, потом офис, потом — не знаю. Может, в гараж заеду. Давно не был.

— Ты там был в прошлые выходные.

— Это было не «был». Это было «зашел на десять минут». А мне надо карбюратор перебрать.

— Ты про этот карбюратор уже полгода говоришь.

— Значит, пора.

Вероника вздохнула. Спорить было бесполезно. Гараж Марка — это отдельная вселенная со своими законами. Время там текло иначе: «на десять минут» превращалось в три часа, «мелкий ремонт» — в полную разборку двигателя. Она давно перестала с этим бороться. В конце концов, у нее тоже была своя вселенная — художественная студия, которая существовала только в мечтах.

— А ты? — спросил Марк.

— Работа, потом встреча с Катей.

— Опять? Вы же виделись в среду.

— У нее кризис. Она рассталась с очередным парнем и хочет обсудить.

— По-моему, она расстается с очередным парнем каждые две недели. Это не кризис, это график.

— Не будь занудой. Она моя подруга.

— Я не зануда. Я аналитик.

— Ты автослесарь.

— Автослесарь с аналитическим складом ума.

Вероника улыбнулась. Вот за это она его и любила когда-то — за способность превратить любой спор в шутку. Сейчас это работало через раз, но, когда работало — напоминало о том, как им было хорошо вместе.

— Ладно, иди к своей Кате, — Марк допил кофе. — Передай ей привет. И скажи, что все мужики — козлы. Это сократит разговор на полчаса.

— Обязательно.

Катя выбрала новое место — кофейню с веганскими десертами и латте на миндальном молоке. Вероника смотрела на меню и думала, что веганский чизкейк — это оксюморон. Чизкейк не может быть веганским, как борщ не может быть без свеклы. Но Катя уверяла, что это «полезно и вкусно», и спорить с ней было бесполезно — Катя всегда находила новые способы быть здоровой, расставаться с парнями и давать советы, которых никто не просил.

— Ну, рассказывай, — Катя отпила свой миндальный капучино и подалась вперед. — Как годовщина?

— Нормально.

— «Нормально» — это как?

— Нормально — это нормально. Ужин, подарки, свечи.

— Свечи? — Катя оживилась. — Это уже интересно. И что было при свечах?

— Ничего. Они погасли.

— Свечи погасли или вы погасли?

Вероника помолчала.

— Мы тоже, — сказала она тихо. — Кажется.

И она рассказала. Про звонок Александра, про клиента, который въехал в столб, про платье, вернувшееся в шкаф, про новогодние свечи с запахом хвои, про смех и про то, как она сказала «не надо». Катя слушала, не перебивая, — что было для нее редкостью.

Когда Вероника закончила, Катя отставила чашку и сказала:

— Так. У меня есть три совета. Первый: тебе нужно встряхнуться.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты сидишь в этом браке, как в коконе. Работа — дом — фитнес — Гоша. Где страсть? Где адреналин? Где ощущение, что ты еще живая?

— Я живая.

— Ты функционируешь. Это разное. Тебе нужно что-то, что выбьет тебя из рутины. Что-то... — Катя сделала паузу, подбирая слово. — Что-то запретное.

— Например?

— Например... — Катя понизила голос, хотя вокруг никого не было. — Вы с Марком не думали о чем-то... новом? В смысле — в постели?

Вероника покраснела.

— Катя!

— А что «Катя»? Я серьезно. Вам нужно расшевелить эту вашу идеальную жизнь. Игрушки, ролевые игры, может, что-то еще...

— Ты предлагаешь нам купить наручники?

— Я предлагаю вам перестать быть удобными. Удобный брак — это мертвый брак. А вы очень удобные. Ты, Марк, ваш пес, ваши свечи с хвоей... Тоска смертная.

Вероника хотела возразить, но не нашла слов. В чем-то Катя была права. Не в наручниках — боже упаси, — а в том, что они стали слишком удобными. Слишком предсказуемыми. Слишком... идеальными.

— Второй совет, — продолжала Катя. — Поговори с ним. Серьезно. Скажи, что тебя беспокоит. Без намеков, без «я устала», без этого твоего рабочего голоса.

— Я не говорю с ним рабочим голосом.

— Говоришь. Я слышала. Ты включаешь режим «менеджер по продажам» и пытаешься закрыть сделку. «Я тебя понимаю, Марк. Твои потребности важны. Давай найдем компромисс». Кошмар.

Вероника открыла рот, чтобы возразить, и закрыла. Она действительно так делала. Это была профессиональная привычка — в сложных разговорах она переключалась в режим переговоров. С клиентами это работало. С мужем, видимо, не очень.

— И третий совет?

— Третий — самый важный, — Катя подалась еще ближе и понизила голос до шепота. — Купи себе что-нибудь красивое. Не для него. Для себя. Чтобы ты сама себе нравилась.

— У меня полный шкаф красивого.

— Это не то. Я говорю о чем-то, что ты никогда бы не купила. О чем-то дерзком. О чем-то, что надето только для тебя. И плевать, заметит он или нет.

Вероника задумалась.

— Ты странная, — сказала она наконец.

— Я не странная. Я разведенка с опытом. А разведенки знают о браке больше, чем замужние. Потому что мы уже наделали все ошибки.

— Звучит как слоган для тренинга.

— Возьму на заметку, — Катя усмехнулась. — Так что? Сделаешь?

— Подумаю.

— «Подумаю» — это «нет» вежливыми словами. Я знаю этот трюк, я сама его использую.

— Я правда подумаю.

Катя вздохнула и допила кофе. За окном всё так же барабанил дождь. Вероника смотрела на веганский чизкейк, к которому так и не притронулась, и думала о том, что Катя, при всем ее сумбуре, сказала одну важную вещь. Они стали удобными. Удобный брак — мертвый брак.

Но что делать с этим знанием, она пока не понимала.

В то же самое время — точнее, в тот же самый понедельник, но на другом конце города — Марк сидел в гараже и получал советы совсем другого рода.

Гараж был его убежищем. Не та мастерская при автопарке, где они с Александром держали рабочие машины и делали мелкий ремонт, а личный гараж в кооперативе — бокс номер семнадцать, с облупившейся краской на воротах и вечным запахом бензина и машинного масла. Здесь стоял его ретро-автомобиль — «Волга» шестьдесят восьмого года, которую он восстанавливал уже два года. Она была его гордостью, его болью и его лучшим способом не думать о проблемах.

Александр сидел на старом диване в углу — диван был еще советским, с продавленными пружинами, и достался Марку вместе с гаражом от предыдущего владельца. Над диваном висел плакат с полуголой моделью на капоте, приклеенный на скотч еще в те времена, когда они учились в институте.

— То есть ты хочешь сказать, что ты облажался, — подытожил Александр. — В годовщину. Пять лет. Ты.

— Я не облажался, — Марк ковырялся в карбюраторе, не оборачиваясь. — У меня был форс-мажор.

— Форс-мажор — это цунами. А у нас клиент-придуток.

— Клиент-придуток — это тоже форс-мажор. Он непредсказуем.

— Он предсказуем. Он придуток. Это его базовое свойство.

Марк вздохнул и отложил отвертку. Александр слез с дивана, подошел к верстаку, взял какую-то деталь, повертел в руках, положил обратно. Он явно хотел что-то сказать, но не знал, с какого бока подступить. Для Александра это было редкое состояние — обычно слова опережали мысли.

— Слушай, — сказал он наконец. — Я же в тот вечер тебе звонил, да? По поводу того придурка из аэропорта?

— Звонил.

— И орал в трубку?

— Орал.

— А ты слушал?

— Слушал.

— А потом послал меня?

— Послал, — Марк усмехнулся. — Но мягко. Сказал, чтобы ты сам разбирался.

— В годовщину.

— В годовщину.

Александр помолчал. Покрутил в пальцах шестеренку.

— Я тогда не понял, если честно, — сказал он. — Ну, что у вас годовщина. До меня дошло только потом. Когда ты трубку положил. Я сидел, смотрел на телефон и думал: «Марк никогда не кладет трубку. Марк всегда решает проблемы. Что-то случилось». А потом вспомнил: «У меня годовщина». И до меня дошло.

— Дошло — и что?

— И стало стыдно, — Александр пожал плечами. — Со мной редко бывает. Но тут — да. Потому что я орал в трубку про какого-то мудака, который спорит со столбом про ГОСТ, а ты в это время...

— А я в это время терял жену, — закончил Марк. — Ну, не терял. Почти.

— И кто оказался важнее? Клиент-придурок?

— Клиент-придурок оказался громче, — Марк отложил отвертку. — В этом и проблема. Мы всегда выбираем то, что громче. Клиент орет — мы бежим. Телефон звонит — мы хватаем трубку. А то, что тихо, — оно ждет. Вероника ждала. В платье. С ужином. Со свечами.

— Со свечами? — Александр оживился. — Это романтично.

— Они погасли.

— Свечи?

— И свечи тоже. — повторил Марк.

— Знаешь, что я думаю? — сказал он. — Мы все стали какими-то телефонными героями.

— В смысле?

— В прямом. Мы орем в трубки, строчим сообщения, решаем вопросы в чатах. На расстоянии мы все смелые, все умные, у всех позиция. А поговорить нормально — глядя в глаза — разучились. Я вон тебе в трубку орал: «Марк, ты нужен! Марк, спасай!» — а если бы я к тебе домой приехал и увидел, что у вас годовщина, Веронику в платье, ужин на столе... я бы язык проглотил. Извинился бы и ушел. Но по телефону — легко. По телефону я герой.

— Телефонный герой, — повторил Марк. — Звучит как диагноз.

— Это и есть диагноз. Мы все такие. Ты, я, твоя Вероника, ее подруга эта... как ее...

— Катя.

— Точно. Мы все боимся говорить в лицо. Проще в трубку. Проще в сообщении. Проще скинуть голосовое и не слушать ответ.

Марк задумался. Он вспомнил, как они с Вероникой обсуждают важные вещи — в основном через «нормально» и «я устала». Короткие сообщения в мессенджере семейной жизни. Смайлик-поцелуй вместо поцелуя. «Ок» вместо «я тебя люблю».

— Мы с ней так же, — сказал он. — Только без телефона.

— Что?

— Мы орем друг на друга молча. Это еще хуже.

Александр кивнул. Он не стал шутить — редкий случай. Просто кивнул и положил шестеренку на место.

— Тогда тебе нужен другой совет, — сказал он. — Не про карбюратор.

— А про что?

— Про то, как перестать быть телефонным героем в собственной семье. Как научиться говорить в лицо.

— И как?

Александр развел руками:

— Вот тут я пас. Я умею чинить двигатели, а не браки. Но могу дать еще один совет: не спрашивай у меня. Спроси у нее.

— Она не скажет.

— Почему?

— Потому что она тоже старается быть идеальной.

Александр откинулся на диване. Пружины жалобно скрипнули. На плакате над его головой полуголая модель улыбалась застывшей улыбкой.

— Вы оба — два сапога пара, — сказал он. — Два идиота, которые любят друг друга и молчат об этом. Знаешь, как это называется?

— Как?

— Не знаю. Но явно что-то из области психиатрии.

Марк рассмеялся. Смех вышел коротким и невеселым, но это был смех — первый за последние дни.

— Ладно, — сказал он, вытирая руки тряпкой. — Пошли по пиву?

— По пиву — это конструктивно, — одобрил Александр. — Пиво — это не решение проблемы, но пока ты пьешь пиво, проблема кажется меньше.

— Еще одна мудрость от психолога с бесплатного вебинара?

— Нет. Это мудрость от автослесаря. Бесплатно.

Они вышли из гаража под дождь. Два автослесаря, один из которых пытался починить брак по инструкции к карбюратору, а второй давал советы, которых никто не просил.

Вечером Вероника и Марк встретились дома. Дождь наконец закончился, оставив после себя мокрый асфальт и запах озона. Гоша, осмелевший после исчезновения страшных звуков, снова занял свое место на диване.

— Как Катя? — спросил Марк.

— Дала три совета, — Вероника усмехнулась. — Один безумнее другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.